

Из сказанного следует, что преодоление виктимности сотрудника складывается из двух составляющих: а) твердого знания правовых предписаний, связанных с осуществлением профессиональной деятельности, и умения их применять; б) правопослушного

поведения как гражданина. И то и другое – результат сознательного и ответственного отношения к себе лично как индивидууму и как к лицу, осуществляющему государственно-властные полномочия в условиях риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бакунчев А. Г. Использование криминологических характеристик в оперативно-розыскной профилактике насильственных посягательств осужденных в отношении сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Уголов.-исполнит. право. 2015. № 1. С. 34–39.
2. Малолетка М. С. Личная безопасность сотрудников УИС // Правовая культура и правовая жизнь. 2017. № 3. С. 87–93.
3. Сафронов А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность сотрудников органов внутренних дел : моногр. М., 2003. 415 с.
4. Шитяков И. Н. Обеспечение виктимологической безопасности сотрудников УИС от криминальных посягательств осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 21 с.

REFERENCES

1. Bakuncheev A. G. Ispol'zovanie kriminologicheskikh harakteristik v operativno-rozysknoj profilaktike nasil'stvennykh posyagatel'stv osuzhdennykh v otnoshenii sotrudnikov organov i uchrezhdenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [Use of criminological characteristics in operative-search prevention of violent encroachments of convicts against employees of bodies and institutions of the penal system]. Ugolov.-ispolnit. pravo – Criminal-executive law. 2015. Iss. 1. P. 34–39. (In Russ.).
2. Maloletkina M. S. Lichnaya bezopasnost' sotrudnikov UIS [Personal safety of the penitentiary system staff]. Pravovaya kul'tura i pravovaya zhizn' – Legal culture and legal life. 2017. Iss. 3. P. 87–93. (In Russ.).
3. Safronov A. D. Prestupnost' v Rossii i kriminal'naya bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennih del : monogr. [Crime in Russia and Criminal Security of Internal Affairs Officers : monograph]. Moscow, 2003. 415 p. (In Russ.).
4. SHityakov I. N. Obespechenie viktimologicheskoy bezopasnosti sotrudnikov UIS ot kriminal'nykh posyagatel'stv osuzhdennykh : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Providing victimological safety of the prison personnel from criminal encroachments of convicts : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Ryazan, 2011. 21 p. (In Russ.).

УДК 343.85

Становление и развитие криминальной субкультуры в России

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Реферат

Предметом исследования в данной статье выступают общественные и правовые отношения, связанные с активным распространением криминальной субкультуры в России. Цель публикации – анализ взаимосвязи уровня преступности, а также роста удельного веса совершаемых преступлений с условиями становления и развития криминальной субкультуры в российском (советском) обществе, определение ее роли и значения в криминализации общественной жизни государства, асоциального поведения граждан, активного распространения уголовной среды как в местах лишения свободы, так и за их пределами.

На основе исторического и теоретико-эмпирического методов научного исследования дается ретроспективная и правовая оценка теоретических (научных) и практических подходов к определению сущности и содержания криминальной субкультуры в виде идеологии преступного мира, развивающейся под влиянием социально-политических и экономических процессов в обществе, сравниваются методы и способы решения указанной проблемы в государстве.

Результаты проведенного исследования заявленной темы обусловили возможность сформулировать авторское определение криминальной субкультуры, выде-

лить ее основные черты, детерминанты появления и факторы распространения в исправительных учреждениях, предложить способы противодействия данным процессам при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: криминальная субкультура; лишение свободы; исправительные учреждения; осужденные; уголовная среда; идеология; анализ.

Formation and development of criminal subculture in Russia

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

Abstract

The subject of the research in this article are public and legal relations related to the active proliferation of criminal subculture in Russia. The purpose of the publication is to analyze the relationship between the level of crime as well as the increase in the proportion of crimes committed with the conditions for the formation and development of criminal subculture in Russian (Soviet) society, its role and significance in criminalizing public life of the state, antisocial behavior of citizens, both in places of deprivation of liberty and beyond.

Based on historical and theoretical-empirical methods of scientific research a retrospective and legal assessment of theoretical (scientific) and practical approaches to determining the essence and content of a criminal subculture in the form of an ideology of the underworld is presented, developing under the influence of socio-political and economic processes in society, compares methods and ways to solve this problem in the state.

The results of the conducted research of the stated subject led to the possibility to formulate the author's definition of criminal subculture, to outline its main features, the determinants of appearance and distribution factors in correctional institutions, to offer ways of counteraction to these processes while executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty.

Key words: criminal subculture; imprisonment; correctional institutions; convicts; criminal environment; ideology; analysis.

В современных условиях жизни Российского государства по-прежнему актуальной продолжает оставаться проблема борьбы с преступностью. После относительной стабилизации и даже снижения ее уровня в середине 80-х гг. XX в. наступило резкое ухудшение криминальной обстановки. Если в 1980 г. в СССР было зарегистрировано 1 028 284 преступления, то в 2016 г. только по России при сокращении численности населения почти в два раза число зарегистрированных преступлений составило 2 160 100, причем данные официальной статистики не отражают реальные масштабы криминальной ситуации в стране, фиксируя лишь верхушку айсберга криминальной обстановки. К примеру, по данным научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, уровень фактической преступности более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной [7, с. 41].

В чем причина такого положения дел? Глубокий экономический кризис и, как следствие этого, резкое снижение жизненного уровня подавляющего большинства людей повлекли за собой рост преступности. Результатом процесса прогрессирующей криминализации общества стало стирание граней между правомерным и преступным поведением как факт смещения ценностных ориентиров в сторону асоциального образа жизни. Традиционные ценности и нормы перестали разделяться гражданами. Под давлением лидеров преступного сообщества экспансия идеологии уголовного мира приняла широкий размах. Под их влиянием криминальная субкультура, выражающаяся в культе насилия и паразитизма, антиобщественных нормах, обычаях, азартных играх, использовании жаргона, присвоении кличек, нанесении татуировок, в блатных песнях и т. п., проникла в повседневную жизнь граждан и стала способствовать профессионализации и организованности преступности.

Субкультура лиц, имеющих судимость, по мнению отечественных криминологов (Ю. М. Антоняна, А. И. Гурова, Н. А. Стручкова, Г. Ф. Хохрякова, И. В. Шмарова), является основным препятствием эффективного функционирования исправительных учреждений и адаптации освобожденных от наказания. Следует отметить то обстоятельство, что в местах лишения свободы существует обостренная потребность в справедливости, пусть и понимаемой по-своему. Поскольку права осужденных в исправительных учреждениях нередко нарушаются, существует потребность в их защите и отстаивании справедливости. Эту важную роль берут на себя лидеры криминального сообщества. Остальные осужденные делегируют им право на защиту справедливости, что, несомненно, придает им значимость.

Для того чтобы лучше познать современную преступность изнутри, оценить ее качественное состояние, необходимо изучать уголовную среду через присущую ей субкультуру, являющуюся неотъемлемым компонентом устойчивого противоправного поведения, зависящего от ряда обстоятельств. Чем, к примеру, строже режим отбывания наказания, тем ярче выражена субкультура. Отношение осужденных к криминальной субкультуре четко просматривается при их опросе: на вопрос «Поддерживаете ли вы так называемые воровские традиции?» можно услышать положительный ответ.

Криминальная субкультура в Советском государстве была закрытой темой, а сам термин начал использоваться с начала 80-х гг. XX в., хотя в научном обороте он появился еще в 30-е гг. прошлого века.

Первыми криминальную субкультуру начали исследовать зарубежные социологи (Р. Мертон, Т. Селлим, А. Коэн). В частности, Роберт Мертон опубликовал в 1938 г. статью «Социальная структура и аномия». По его мнению, основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения. Это противоречие приводит к тому, что человек, не сумевший получить эти ценности по правилам, установленным обществом, начинает отрицать эти правила и стремится получить их любым способом. В том же году Торнстон Селлим опубликовал работу «Конфликт культур и преступность». По его мнению, конфликт между культурными ценностями различных сообществ выступает в качестве криминального фактора. Опираясь на эти выводы, американский социолог

А. Коэн в 1955 г. разработал концепцию субкультур. Ее основой послужили особенности культурных ценностей криминальных образований (сообществ, банд, группировок), которые отличались друг от друга взглядами, привычками, нормами общения, стереотипами поведения, санкциями в отношении нарушителей норм поведения и т. д. Данный феномен получил определение как субкультура. Криминальная субкультура неизбежно вступает в противоречие с общечеловеческими ценностями. Попав в криминальную группу, восприняв ее субкультуру, человек как бы освобождается от многих социальных запретов и, более того, вынужден их нарушать.

Значимость указанных явлений говорит о том, что эта проблема требует серьезного внимания и объективного исследования, так как профилактика субкультурного поведения способна создать серьезные предпосылки для укрепления законности и правопорядка в стране.

Общеизвестно, что каждому классу, социальной группе, иной общности людей присуща своя собственная субкультура. Присутствует она и в среде криминальных элементов. Уголовная субкультура – продукт преступной деятельности, зародившийся в среде правонарушителей, постоянно претерпевающий изменения и передающийся из поколения в поколение ее носителями. Поэтому, как мы полагаем, в теоретическом плане она в криминологии представляется в виде сквозного явления, проходящего через все исследования, связанные с разработками проблем преступности вообще, личности преступника, причин противоправного поведения и отвечающие на вопросы: каковы корни данного явления? всем ли преступным формированиям присуща субкультура? что в себя включает понятие «субкультура» и какова ее роль в жизни общества? Поскольку криминальная субкультура – продукт преступности, она рассматривается в работах по криминологии, уголовно-исполнительному праву, юридической психологии на всем протяжении их существования.

В дореволюционной России нравы и обычаи преступного мира достаточно обстоятельно были исследованы Г. Н. Брейманом в работе «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников» (Киев, 1901 г.). Исследованию криминальной субкультуры посвятили свои работы известный ученый-этнограф С. В. Максимов [6] и историк, писатель В. М. Дорошевич. Они не только выявили, но и описали присущую

осужденным структуру межличностных отношений, иерархию подчиненности в этой среде, выявили неформальные правила поведения осужденных и на конкретных примерах показали их значение, исследовали тюремный фольклор и др. В литературе о преступном мире в Российском государстве того времени особое место занимает работа Х. Крестовского «Петербургские трущобы» [5]. Ее содержание составляет описание жизни и быта людей, отвергнутых обществом. В реальной жизни, писал он, отвергнутые обществом индивиды создают свой замкнутый мир, тем самым они отвергают тех, кто их отверг, их правила жизни и ценности.

После Великой Октябрьской революции в 1918–1919 гг. на страницах журнала «Пролетарская революция и право» велась оживленная дискуссия о сущности и цели уголовного наказания, делались первые попытки осмыслить и теоретически сформулировать задачи советской уголовной и исправительно-трудовой политики, возможность и необходимость перевоспитания каждого правонарушителя.

Признание того, что исправление и перевоспитание являются одной из задач наказания в стадии его исполнения, имело важное теоретическое и практическое значение. Оно подразумевало, что режим и условия отбывания наказания в местах лишения свободы по своему содержанию и характеру воздействия должны отвечать педагогическим требованиям и способствовать нравственной перестройке сознания преступников.

Исходя из этой теоретической установки, в последующие годы жизни и быту лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, посвятили свои труды Ю. Ю. Бехтерев, М. Н. Гернет, А. И. Швей, Е. Г. Ширвиндт и др. В частности, М. Н. Гернет обстоятельно исследовал среду обитателей тюрем, их обычаи, неформальные нормы поведения, традиции, особенности досуга и др. Ученым убедительно показана антиобщественная сущность субкультурных отношений в обособленной криминальной среде [4].

По амнистии, проведенной в 1927 г., из мест лишения свободы освободились свыше 60 тыс. чел. [9, с. 10]. Это создало объективные предпосылки для распределения основных категорий осужденных в соответствии с требованиями Исправительно-трудового кодекса РСФСР. В ноябре 1927 г. ГУМЗ РСФСР обязывало инспекции и на-

чальников мест заключения приступить к размещению заключенных внутри ИТУ в соответствии с требованиями кодекса с целью отделить лиц, не связанных с преступным миром, от уголовников, заключенных из рабочих и крестьян с повторной судимостью, если были основания надеяться на их отрыв от преступного мира, – от преступников-профессионалов, рецидивистов разделить на менее или более опасные группы. Данное указание следует рассматривать как первый серьезный шаг к осуществлению требований ИТК РСФСР о принятии всех мер «к устранению влияния худших и наиболее опасных заключенных на остальных» [9, с. 10]. Тем самым преследовалась и цель вывести отдельные категории заключенных из-под диктата криминальной субкультуры и влияния ее носителей. Однако из-за роста преступности в последующие годы реализовать это требование не удалось.

Изоляторы особого назначения (тюрьмы) могли вместить около 10 тыс. заключенных. Однако по состоянию на 1 января 1929 г. число приговоренных к данной мере наказания составило 37 тыс. чел. В связи с таким положением значительная часть из них содержалась в общих местах заключения, что, несомненно, отрицательно сказывалось на деятельности этих учреждений.

Носители криминальной субкультуры – осужденные-рецидивисты – содержались в общих местах заключения, и в отношении этой категории основные средства исправительно-трудового воздействия (труд и культурно-просветительная работа) не достигали цели. Неслучайно в связи с этим А. И. Швей ставил вопрос о необходимости и целесообразности создания на территории СССР двух изоляторов особого назначения с установлением в них более строгого режима. Называлось и место для размещения одного из них – остров Возрождения недалеко от Баку.

В 30 – 50-е гг. XX в. работ по этой проблематике не выходило. Исключение составило исследование Д. С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», изданное в 1935 г. и основанное на собственном опыте общения с преступниками в период отбывания уголовного наказания на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Не последнюю роль в падении интереса к исследованию проблемы сыграло то обстоятельство, что в начале 30-х гг. XX в. не нашли практического подтверждения два основополагающих постулата карательной политики государства. Во-первых, ликвида-

ция безработицы в стране и предоставление каждому гражданину возможности жить за счет собственного труда не повлекло за собой сокращение преступных проявлений, а значит и не могло повлиять на ликвидацию такого социального явления, как преступность. Во-вторых, не сработала теоретическая установка на то, что осужденные из числа рабочих и крестьян, то есть социально близкие советской власти, смогут «перековать» в процессе труда классовых врагов и преступников-профессионалов.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. резко обострилась вражда между различными группировками заключенных, особенно между «ворами в законе» и так называемыми «отошедшими». Стремление администрации изолировать их друг от друга не только не приносило пользы, но, наоборот, приводило к еще большему их противостоянию. Как отмечалось в обзоре «О борьбе с воровскими группировками в Красноярском ИТЛ МВД СССР», отрицательную роль в деятельности учреждения сыграли указания вышестоящих органов, которые вместо выработки мероприятий по борьбе с воровскими группировками рекомендовали администрации ИТУ учитывать наличие вражды между группировками и в работе исходить из этого.

Для оперативных аппаратов ИТУ и политорганов несомненный интерес представила выпущенная в 1957 г. научная работа В. И. Монахова «Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними». В ней автор рассмотрел особенности противоправной деятельности авторитетов уголовной среды – «воров в законе» и «отошедших», исследовал их межличностные отношения, описал основные элементы криминальной субкультуры (обычаи, традиции, досуг). Выводы и рекомендации, сформулированные В. И. Монаховым на основе исследования, получили признание у практических работников. К сожалению, работа была издана под грифом «Секретно» и долгие годы оставалась малоизвестной среди ученых-пенитенциаристов.

В 60 – 70-е гг. XX в. этой проблеме не придавалось значения. Сыграл свою роль тезис новой программы КПСС, принятой на XXII съезде партии, о том, что «в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушителям и преступности». А поскольку Н. С. Хрущев пообещал показать последнего преступника по телевидению в 1980 г., то в дальнейшем научно-исследовательской работе в области преступности не

уделялось должного значения, а на развитие ИТУ не выделялось достаточных средств.

Криминальная субкультура вновь стала предметом исследования во второй половине 80-х гг. XX в., когда начали широко публиковаться мемуары бывших заключенных исправительно-трудовых лагерей, среди которых Ж. Росси, А. Солженицын, В. Шаламов и ряд других. Именно перу В. Шаламова принадлежит объективный рассказ о том, какова роль и значение субкультуры в жизни уголовной среды мест лишения свободы.

Несмотря на то что криминальная субкультура стала самостоятельным предметом исследования сравнительно недавно, тем не менее с начала 90-х гг. прошлого века опубликовано немало исследовательских работ. Анализ современных источников и литературы прошлых лет позволил В. М. Анисимкову вычленить составные части криминальной субкультуры и сформулировать следующие выводы:

- криминальная субкультура представляет собой особую структуру межличностных отношений индивидов, объединенных на основе ценностных ориентаций деятельности, в относительно обособленной среде;

- она включает в себя систему неформальных норм, установлений, представлений, регулирующих поведение ее представителей;

- субкультура находит свое отражение во внешних атрибутах преступного мира (в уголовном жаргоне, песнях, татуировках, кличках и т. д.) [2, с. 10].

Ценности и нормы криминальной субкультуры привлекательны, сравнительно быстро и легко усваиваются благодаря романтике, таинственности, необычности. Ей свойственен игровой и эмоциональный характер. Отечественные и зарубежные исследователи воспринимают субкультуру как реальный факт, не вдаваясь в истоки этого явления. По нашему мнению, субкультура прежде всего предмет деятельности человека во всех сферах жизни и бытия. Поскольку человек – существо социальное, то в силу разных причин он стремится принадлежать к какой-либо значимой для него группе.

Как форма сознания криминальная субкультура складывалась и формировалась в среде многих поколений правонарушителей. При этом шло балансирование на тонкой грани морали, культуры, традиций и т. д. Для подлинного понимания того, почему субкультура появилась, почему она стала привлекательной как для отдельной личности, так и для некоторых групп в обще-

стве, необходимо понять, каким потребностям личности она отвечает.

На наш взгляд, под криминальной субкультурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей. «Являясь существующей объективной реальностью, – пишет современный исследователь криминальной субкультурой Ю. К. Александров, – она занимает определенное место в общей системе человеческих ценностей. Являясь частью современной культуры общества, она оказывает на нее определенное влияние». Он определяет криминальную субкультуру как «образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы, придерживающихся определенных законов и традиций» [1, с. 8].

Другие исследователи криминальной субкультуры, такие как Ю. М. Антонян, В. А. Верещагин, Г. Б. Калманов, отождествляют ее с тюремной и указывают, что последняя «реализуется в неформальных нормах и правилах поведения, запретах и предписаниях, санкциях и поощрениях, в некоторых видах художественного творчества. Она же закрепляет иерархию среды, устанавливает социальные роли. В совокупности все это образует нравственную и психологическую основу бытия лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы» [3, с. 72].

Носителями криминальной субкультуры являются прежде всего лица, отбывающие уголовное наказание и находящиеся в местах лишения свободы. Криминальная субкультура едина для всех лиц, преступивших закон, поэтому многие нормы воровского и тюремного законов совпадают. Находясь на свободе и в исправительном учреждении обязаны выделять долю в «общак», нельзя поднимать руку на «вора в законе», следует непримиримо относиться к «стукачам», не признавать вину в совершенном преступлении, не предъявлять кому бы то ни было обвинения без доказательства, не употреблять нецензурные выражения, учить «правильной жизни» молодежь, оказывать материальную помощь сотоварищам и их родственникам и т. д. Вместе с тем существуют особенности проявления и функционирования субкультуры в исправительных учреждениях, тем самым делая ее более ярко выраженной, чем в условиях свободы.

Как видим, в «воровском законе» и «тюремном законе» содержится много общих норм, но «воровской закон» – это свод неписанных норм поведения, обязательных для «воров в законе» и тех, кто стремится попасть в элиту. Только часть его положений распространяется на всех других правонарушителей, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Эта обособленная часть «воровского закона», обязательная для всех остальных преступников, называется «тюремным законом», представляющим из себя свод правил поведения, базирующихся на многовековых тюремных традициях и обязательных для всех осужденных независимо от их принадлежности к той или иной стратификационной категории (пацаны, мужики, опущенные).

Тюремный закон регулирует отношения как между отдельными осужденными, так и между их группами. Он определяет механизм разрешения возникающих конфликтных ситуаций независимо от того, возникли они между отдельными личностями или между группами лиц. Таким образом, можно говорить, что соблюдение норм «тюремного закона» обязательно как для «воров в законе», так и для всех остальных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Можно выделить характерные признаки, присущие криминальной субкультуре: игнорирование общепризнанных норм и ценностей; отражение в ней тюремных традиций; агрессивное, жестокое и циничное отношение к «чужим»; эксплуатация нижестоящих в системе стратификации, глумление над ними; неуважение прав собственников, выражающееся в кражах, хищениях и вымогательствах; поощрение циничного отношения к лицам женского пола; поощрение низменных инстинктов и любых форм асоциального поведения и др.

В чем состоит привлекательность криминальной субкультуры? Отвечая на поставленный вопрос, необходимо отметить, что процесс криминальной деятельности включает в себя риск, экстремальные ситуации, снимает все моральные ограничения, в том числе и на получение любой информации. Здесь открываются возможности для самоутверждения и компенсации неудач, постигших человека в жизни.

Говоря о субкультурных образованиях, необходимо иметь в виду, что их функционирование невозможно без соблюдения определенных правил поведения. Если в формальном объединении индивидов от-

ношения между ними регулируются нормативными актами (устав акционерного общества, закон о полиции и др.), то в неформальном основу межличностных отношений формирует «теневое нормотворчество». Субкультурная группа всегда требует от своих членов соблюдения неформальных правил поведения, которые существенно отличаются от общепринятых норм взаимоотношений между людьми.

Криминальная среда вырабатывает субкультурный язык, отличающийся своими особенностями. В ней принято присваивать клички, наносить на тело татуированные символы в соответствии с иерархическим статусом. В этой среде свои специфические игры и развлечения, свои поэзия и проза, отражающие криминальную деятельность. Наличие собственных элементов субкультуры как раз и позволяет отвергать элементы традиционной культуры.

Особое влияние на формирование субкультурной личности правонарушителя оказывает тюремная субкультура. Ее принятие зачастую не является осознанным решением индивида. Она представляет собой искусственно созданный социум, к которому осужденный впервые вынужден прибегать, попав в пенитенциарное учреждение.

Криминальная субкультура и ее атрибуты проявляются не только среди членов преступной среды в местах лишения свободы, где они наиболее ярко выражены, но и в других социальных общностях.

Необходимо отметить, что в последние десятилетия в обществе изменилось отношение как к преступности, так и к ее проявлениям. Наряду с общей культурой в обществе легализовалась и криминальная субкультура, о которой раньше предпочитали умалчивать. В наши времена уже никого не удивляет тот факт, что известные журналисты общаются со своими слушателями и читателями на полублатном языке. С экранов телевизоров не исчезают сериалы о жизни бандитских группировок, в радиозфире блатная музыка льется, как из рога изобилия. Криминальная субкультура пока еще не стала составной частью нашего общества, но она близка к этому. Когда говорят о криминальной субкультуре, то имеют в виду криминальные традиции и обычаи, жаргон и татуировки, стратификацию, неформальные нормы поведения и особенности досуга.

Феномен российской тюремной субкультуры уникален, и Л. Самойлов описывает ее так: «...у меня за плечами был уже год пре-

бывания в тюрьме. Еще там я понял, что главная сила, которая противостоит здесь обыкновенному, рядовому заключенному и господствует над ним, не администрация, не надзиратели, не конвой. Они в повседневном обиходе далеко и образуют внешнюю оболочку лагерной среды... Силой, давящей на личность заключенного, повседневно и ежечасно, готовой сломить и изуродовать его, является здесь другое – некий молчаливо признаваемый неписанный закон, негласный кодекс поведения, дух уголовного мира. От него не уклоняются. Избежать его невозможно» [8, с. 84].

Следует иметь в виду, что любая личность формируется в процессе ее жизнедеятельности в социальных группах и на основе присущих ей природных задатков. Поэтому криминологов издавна интересовало, как ближайшее окружение человека (микросреда) формирует его преступное поведение. Исследованию этой проблемы много внимания уделили В. М. Анисимков, Ю. М. Антонян, Г. Ф. Хохряков, И. В. Шмаров и др. В результате научных исследований они пришли к выводу, что особенности различных типов личности преступников коренятся в особенностях структуры отношений, субъектом которых является данная личность, а также в специфике ее противоправной деятельности. Сходство и различие между правонарушителями служат основой системы индивидуального правосознания, а значит и системы типов личности с отклоняющимся поведением.

Криминальная субкультура преступного сообщества как бы подразделяется на две части: общую и особенную. Это обусловлено тем обстоятельством, что одни ценностные ориентации преступников имеют силу только в условиях свободы, в то время как другие только в условиях изоляции – в местах лишения свободы. В исправительных учреждениях структура межличностных отношений осужденных обусловлена прежде всего высокой степенью изоляции от общества, узким кругом выбора субъектов неформального общения вследствие локализации отрядов осужденных, ограничением прав индивидов большим количеством неформальных норм, постоянной угрозой насилия над личностью. Эти обстоятельства существенным образом влияют на формирование ценностей, играющих ведущую роль в местах лишения свободы.

Субкультура, формирующаяся в исправительных учреждениях, стремится преодолеть изоляцию, а вырабатываемые ею

нормы и ценности в конечном счете распространяются на все общество, его культуру и каждого человека в отдельности. Она находит отражение в мировоззрении, особенностях мышления и психики и, следовательно, накладывает свой отпечаток на образ жизни людей.

Вместе с тем в условиях мест заключения, по мнению В. Н. Анисимкова, наряду с выделением общей субкультуры, отражающей особенности, ценностные ориентации и интересы сообщества осужденных в целом, следует выделить и субкультуры, формируемые и разделяемые большими категориями осужденных (авторитетами, нейтральными лицами, отверженными) [2, с. 28]. Нами подобная точка зрения не разделяется, поскольку, если взять любое исправительное учреждение, то авторитеты

не относятся к большей категории осужденных, к тому же наличие нескольких субкультур на одной территории неизбежно должно привести или к их конкуренции, или к противостоянию, что исключает единый для всех «сидельцев» «тюремный закон».

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод: субкультура преступной среды обусловлена системой искаженных ценностных ориентаций ее носителей. Она включает в себя две составляющие ее взаимосвязанные части: одна из них обслуживает интересы лиц, находящихся на свободе, а другая – отбывающих уголовное наказание в условиях изоляции. Вместе они представляют собой идеологию преступного мира, изменяющуюся под влиянием социально-политических и экономических процессов в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001. 152 с.
2. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. Уфа, 1998. 168 с.
3. Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Калманов Г. Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Гос-во и право. 1996. № 10. С. 72–79.
4. Гернет Н. М. История царской тюрьмы. М., 1951. 547 с.
5. Крестовский Х. Собрание сочинений. СПб., 1899. 580 с.
6. Максимов С. Избранное. М., 1981. 560 с.
7. Попова В. И., Морев М. В. Динамика криминальной ситуации в России в зеркале официальной статистики и общественного мнения // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 39–49.
8. Самойлов Л. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4. С. 150–164.
9. Статистика амнистированных в ознаменование 10-летия Октябрьской революции. М., 1928. 94 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov YU. K. Ocherki kriminal'noj subkul'tury [Sketches of criminal subculture]. Moscow, 2001. 152 p. (In Russ.).
2. Anisimkov V. M. Kriminal'naya subkul'tura [Criminal subculture]. Ufa, 1998. 168 p. (In Russ.).
3. Antonyan YU. M., Vereshchagin V. A., Kalmanov G. B. Tyuremnaya subkul'tura i nejtiralizaciya ee negativnyh proyavlenij [Prison subculture and neutralization of its negative manifestations]. Gos-vo i pravo – State and Law. 1996. Iss. 10. P. 72–79. (In Russ.).
4. Gernet N. M. Istoriya carskoj tyur'my [History of the Tsar's Prison]. Moscow, 1951. 547 p. (In Russ.).
5. Krestovskij H. Sobraenie sochinenij [Collected Works]. St. Petersburg, 1899. 580 p. (In Russ.).
6. Maksimov S. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1981. 560 p. (In Russ.).
7. Popova V. I., Morev M. V. Dinamika kriminal'noj situacii v Rossii v zerkale oficial'noj statistiki i obshchestvennogo mneniya [Dynamics of the criminal situation in Russia in the mirror of official statistics and public opinion]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 1 (37). P. 39–49. (In Russ.).
8. Samojlov L. Puteshestvie v perevernutyj mir [Journey to an Inverted World]. Neva – Neva. 1989. Iss. 4. P. 150–164. (In Russ.).
9. Statistika amnistirovannyh v oznamenovanie 10-letiya Oktyabr'skoj revolyucii [Statistics amnestied in commemoration of the 10th anniversary of the October Revolution]. Moscow, 1928. 94 p. (In Russ.).

УДК 342.924

О некоторых проблемах унификации административных процедур

С. А. СТАРОСТИН – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор